

ГОРОХОВСКАЯ КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ ДРЕВНОСТЕЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЗАУРАЛЬЯ

© 2019 г. Н.П. Матвеева

Тюменский государственный университет, Россия

E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.01.2018 г.

Рассматривается место гороховской культуры в схеме историко-культурных таксонов Зауралья. Автор обосновывает функциональное различие двух ранее выделенных типов посуды: воробьевского как кухонного и тарного, гороховского — как столового. Совместное залегание их на всех поселениях позволяет объединять памятники в одну гороховскую культуру. Оригинальность архитектуры жилищ и городищ, способов лепки сосудов, культовых предметов и погребальных памятников не разрешает рассматривать гороховскую культуру ни как этап, ни как локальный вариант саргатской. Не совпадают ни их ареалы, ни хронология их существования, ни основные характеристики материальной сферы. Население гороховской культуры занимало северо-восточную периферию мира уральских кочевников в конце VI–III вв. до н.э. и посредничало в обмене с лесостепными группами, а также конкурировало с ними за пастбищные угодья и торговые пути. Исчезновение гороховской культуры интерпретируется как миграция ее населения на Южный Урал в IV–III вв. до н.э. под давлением носителей саргатской культуры.

Ключевые слова: Зауралье, лесостепь, номады, гороховская культура.

DOI: 10.31857/S086960630004109-8

Зауральское население, расселявшееся на реках восточных склонов Среднего Урала в раннем железном веке, оставило памятники гороховской культуры. Они были выделены К.В. Сальниковым и датированы им второй половиной I тыс. до н.э. (Сальников, 1962. С. 23). Тогда саргатская культура не была еще определена как самостоятельная, и все древности рассматривались совместно. В 1969–70-х годах В.Е. Стоянов по материалам разведок и раскопок Уральской археологической экспедиции очертил нынешний ареал гороховской культуры, и датировал ее в пределах V–II вв. до н.э. На той же территории он локализовал более ранние памятники воробьевского типа, определив их хронологию VI–IV вв. до н.э. (Стоянов, 1969. С. 245; 1970. С. 60), и включал их в исетскую культуру вместе с иткульскими, против чего аргументированно возражала Г.В. Бельтикова (1977. С. 119, 120), характеризуя особым образом структурированное общество, участвовавшее в региональном разделении труда в качестве горняков и металлургов. Оценка иткульской культуры как специфической в инвентаре, постройках и хозяйстве в дальнейшем была поддержана

В.А. Борзуновым (1992. С. 100), А.Д. Таировым (2000. С. 60), В.А. Захом и О.Ю. Зиминой (2001) и др. Точку зрения В.Е. Стоянова модифицировала С.Е. Пантелеева, усматривая в совместном залегании керамики воробьевского и гороховского типов на поселениях взаимодействие населения, проживавшего на одной территории, но изготавливавшего посуду по разным канонам, отражающее дуально-фратриальное деление (Пантелеева, 2010. С. 94).

Л.Н. Корякова вслед за В.Е. Стояновым продолжает рассматривать воробьевский тип памятников в рамках “исетской ассоциации”, объединяя их с иткульской культурой горнолесного Урала (Корякова, 1991. С. 30). Гороховские памятники на той же территории она интерпретировала как результат влияния южно-уральских кочевников на местную среду (там же) и как следы жизни гороховского племенного союза, сложившегося практически одновременно с саргатским (Корякова, 1988. С. 165). Мною в 1987 г. по материалам собственных раскопок и сравнительному анализу коллекций шести изученных к тому времени поселений была показана преемственность воробьевского и гороховского типов, они были

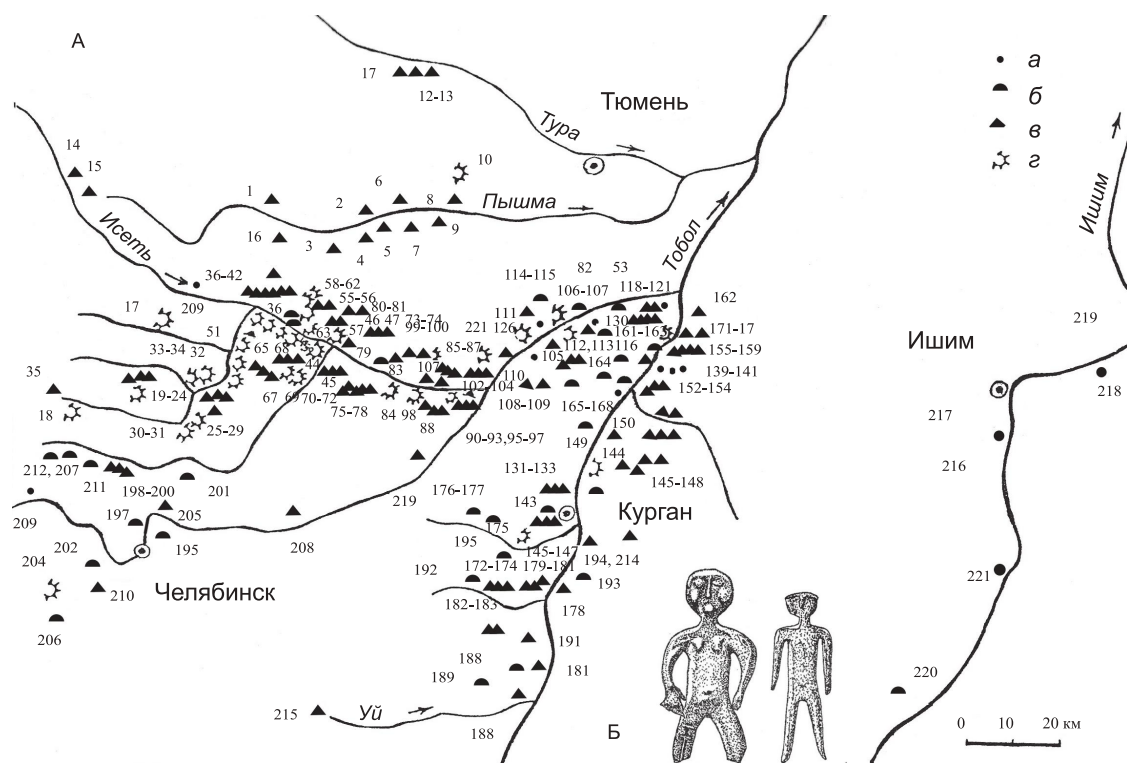

Рис. 1. Схема локализации памятников гороховской культуры (А) и фигурки Сапоговскогоклада (Б). 1 – Сухоложское; 2 – Коровяковское-1; 3 – Раздольное; 4 – Духовое; 5 – Усть-Дернейское; 6 – Чупинское; 7 – Маяк; 8 – Балаирское; 9 – Гляденовское; 10 – В. Зотинское; 11 – Шушанское-1; 12 – Бекановское; 13 – Куртугуз-1; 14 – Юртино; 15 – Малахово; 16 – Коровяковское-2; 17 – Пузановское-4; 18 – Иртышское; 19 – Юшковское; 20 – Сигрякское 1,2; 21 – Б. Сигрякское; 22 – Казахбаевское; 23, 24 – Гусиное-6 и 8; 25 – оз. Маяк; 26 – Чеснокова Пашня; 27 – Кривой язык; 28 – Зубчатое; 29 – Солянобродское; 30 – М. Казахбаевское; 31 – Б. Казахбаевское; 32 – Матайкул; 33 – Д. Багарякское; 34 – Б. Каменогорское; 35 – Исток; 36, 37 – Лужковское 1 и 2; 38 – Ипатьевское; 39 – Воротниковское; 40, 41 – Ушаковское-1 и 2; 42 – Катайское; 43 – Никитинское; 44, 45 – Катайское-2 и 3; 46, 47 – Верхнеярское 1 и 2; 48 – Усть-Синарское; 49 – Никитинская стоянка; 50 – Катайское-1; 51 – Зырянское; 52 – Дегтяревское; 53 – Марьино Ущелье-5; 54 – Катайский; 55, 56 – Вырское-3 и 4; 57 – Верхнеярское; 58, 59 – Ясеновское-1 и 2; 60 – Максимовское; 61, 62 – Сухоринское-1 и 2; 63 – Красномыльское; 64 – Носиловское; 65 – Чернаярка; 66 – Савина; 67, 68 – Б. и М. Ильинские; 69 – Далматова; 70 – Затечинское; 71 – Борки; 72 – Синицкое-1; 73 – Воробьевское; 74 – Мыльниково; 75 – Воронинское-1; 76 – Деулинское-3; 77 – Н. Ярское-3; 78 – Воронинское-2 и 4; 79 – Боровое; 80 – Бл. Ольховка; 81 – Суварыш; 82 – Исетский; 83 – Замараево; 84 – Полевское; 85 – Бабарыкинское; 86 – Ильтяшские дюны; 87 – Пирожки; 88 – Квашнинские дюны; 89 – Прыговское; 90 – Татарский бор; 91 – Мишагинские; 92 – Мурзинское; 93 – Мурзинское городище; 94 – Мурзинский; 95 – Ташково; 96 – Гречаево-4; 97 – Нечунаево-2; 98 – Б. Мыльниково; 99 – Носиловское-1; 100 – Квашнинское-2; 101 – р. Исеть; 102 – Погорелка; 103, 104 – Погорелка 1 и 2; 105 – Бархатовское; 106 – Ирьюмское городище; 107 – Архангельское; 108, 109 – Боярка-1 и 2; 110 – Барино-3; 111 – Павлиново; 112 – Рафайловское; 113 – Рафайлово-2; 114 – Ключевское; 115 – Гаевский-2; 116 – Ботниковское-16; 117 – городище Марьино ущелье; 118, 119, 122 – Ингалинка-1,2 и 3; 120 – Нифаки; 121 – Сл. Бешкильское; 123 – Онуфриевский борок; 124 – Лебяжий борок; 125 – Онуфриевский; 126 – Турушово; 127, 128 – Ботники-2 и 3; 129 – Путилово; 130 – Красногорский-1; 131 – Кошкинское; 132, 133 – Речкино-1 и 2; 134 – оз. Песчаное; 135 – Гладунинское; 136–138 – Коркинское-1, 2 и 6; 139 – Ст. Шадрина; 140 – Поспелово-2; 141 – Скородум-4; 142 – Царев курган; 143 – Мавринский Увал; 144–147 – Баитовское-1, 2, 3 и 4; 148 – Исетское-3; 149 – Шмаково; 150 – Калмацкое; 151 – Воробьевский; 152 – Увал-1; 153 – Бочанцево-1; 154 – Высокая Грива; 155, 156 – Коркино-5 и 8; 157 – Бызовское; 158 – Одино; 159 – Боровушка; 160 – М. Зырянка; 161 – Савиново; 162 – Калининское; 163 – Тютрино; 164 – Губинское; 165 – Белый Яр-12; 166 – Остров; 167 – Скаты; 168 – Гагарь; 169 – Ачикуль; 170 – Крутиха; 171 – Вагина; 172, 173 – Язевское-1 и 2; 174 – Закоуловское; 175 – Чудаки; 176 – Разбегаево; 177 – Елесина Яма; 178 – Темляковское; 179 – Язево-3; 180 – Белое-1; 181 – Калининское-1; 182, 183 – Лебедевка-1 и 2; 184 – Редуть-2; 185, 186 – Козлово-2 и 8; 187 – Белоярское-13; 188 – Таловка; 189 – Угловое; 190 – Труд и знание; 191 – Лебяжье; 192 – Куртамыш; 193 – Раскатиха; 194 – Камышеное-2; 195 – Ерохино; 196 – 11 верста Миасского тракта; 197 – Исаковский; 198–200 – Березки 5а, б и д; 201 – Шатрово; 202 – Синеглазово; 203 – г. Крутая; 204 – Бердинское; 205 – Чебаркуль; 206 – Сухомесово; 207 – Черняки; 208 – Чесноковка-1; 209 – Красный Камень; 210 – Еманжелинск; 211 – Исток; 212 – Березки; 213 – Усть-Миасское; 214 – Арлагуль; 215 – Биткуево; 216 – Баландино; 217 – Клепиковское; 218 – Узловское; 219 – Логиновское; 220 – Кенес; 221 – Соколовка; 222 – Юлдус; 223 – Косулино-1. Условные обозначения: а – находки керамики, б – курганы, в – поселения, г – городища.

Fig. 1. A localization scheme for the Gorokhovo culture sites (A) and the figurines of the Sapogovo hoard (B)

объединены в одну культуру с прежним названием, чему посвящена специальная статья (Матвеева, 1987; 1991). Л.Н. Корякова и ее соавторы стали рассматривать часть обсуждаемых древностей в рамках “саргатско-гороховского этапа саргатской общности”, датированного V–III вв. до н.э. (Корякова, 1991. С. 34; Культура..., 1997. С. 141, 142), возвращаясь периодически к понятию “исетского стиля” (Шарапова, 2004). В настоящее время С.Г. Боталовым предложен “саргатско-гороховский историко-культурный горизонт” (2016. С. 473). В.А. Могильников (1992), а вслед за ним А.Д. Таиров (2000; 2016) в своих работах дали обзор аргументации разных точек зрения, не формулируя своей позиции.

Предметом источниковедческого анализа гороховская культура за последние двадцать лет была только в диссертации В.А. Булдашева, сосредоточившегося на оригинальных чертах погребальной обрядности в рамках V–II вв. до н.э. (Булдашев, 1998. С. 5), а историографического и палеосоциологического – в работах автора (Матвеева, 2000; 2010. С. 109–111), так что следует констатировать недостаточную изученность данной проблематики. Не претендуя на разрешение всех спорных вопросов таксономической схемы историко-культурных понятий зауральской археологии раннего железного века, рассмотрим, почему дискуссия затянулась почти на полвека, насколько оригинальны памятники гороховской культуры, какие отличительные черты они имеют, как можно трактовать их сходство и различие с саргатскими.

Памятники гороховской культуры занимают часть лесостепи и степную зону долины Тобола с притоками, текущими с Урала, от р. Исети на севере до р. Уй на юге (рис. 1). Их насчитывается около 230, но раскопками исследовано не более 40, среди которых преобладают курганы. Материалы не полно опубликованы, общее впечатление о данном круге памятников у многих специалистов по-прежнему складывается по эпонимному городищу Чудаки, оно же Гороховское (Сальников, 1947).

Хронология культурного образования определялась как VII–III вв. до н.э. на основе вещей сакского и сарматского круга (Матвеева, 1991. С. 159; Могильников, 1992. С. 280), Л.Н. Коряковой – как VI–III вв. до н.э. (Корякова, 1991. С. 34–53). Основание ранней даты виделось в перекрывании воробьевскими материалами байтовского слоя Носиловского городища с находками VII–VI вв. до н.э., а также

в датах формы для отливки бронзовых пластинчатых ножей с петелькой, железной булавки с гроздевидной головкой, гривны из Шадринского могильника, имеющей раннеананьинские и раннескифские аналогии (Стоянов, 1969. С. 129). Основанием поздней даты является отсутствие в регионе гороховских памятников II в. до н.э., хотя в объектах III в. до н.э. ряда поселений на Тоболе и ряда курганов содержалась гороховская керамика наряду с саргатской: Тютринский, курганы 7, 8 и 10; Прыговское, Рафайловское (Матвеева, 1993), Павлиново (Среда..., 2009) городища. К сожалению, радиоуглеродных датировок не имеется.

Гороховская культура восходит к межовской культуре бронзового века (Матвеева, 1987. С. 14; 1998, С. 15; Шорин, 1988; Корякова, 1991. С. 30; Обыденнов, 1996. С. 60), но носит следы явного влияния кочевников. Специфичными памятниками ее являются маленькие городища (вероятно, разновременные), расположенные гнездами, служившие недолговременными убежищами. Интервалы между ними составляют 48–55 км (Матвеева, 2000. С. 102). Они окружены стенами с системой башен и совпадают по функциям, размерам и форме с некоторыми чирик-рабатскими крепостями (рис. 2, 1, 4, 5). Известны только сезонные поселения, с тонким и слабо окрашенным культурным слоем, незначительно насыщенном находками (Чудаки – 2.85, Ботниковское-16 – 2.43 находки на 1 м²), среди которых известны кости верблюда (Матвеева, 2000. Табл.10). Данные обстоятельства указывают на участие среднеазиатских групп в формировании зауральского населения, и даже на вероятность их зимовок в Приаралье. Отличали их от соседей планировка двухкамерных жилищ, состоявших из передней хозяйственной зоны и жилого помещения, сочлененных по одной оси; отопительные устройства с двумя симметричными Г-образными канавками, образующими земляной стол (рис. 2, 1). Характерна концентрическая застройка городищ.

Наиболее ярким признаком гороховской культуры является керамика с блестящей за счет обильной примеси талька поверхностью, мыльная на ощупь¹ (рис. 3), изготовленная выбивкой по форме-модели на основе горлового начина с подлепом дополнительной ленты на шейку (Матвеева, 1991. С. 163) Идея применения талька, который сообщает

¹ Глины с тальком уральское население называло “земляное мыло”.

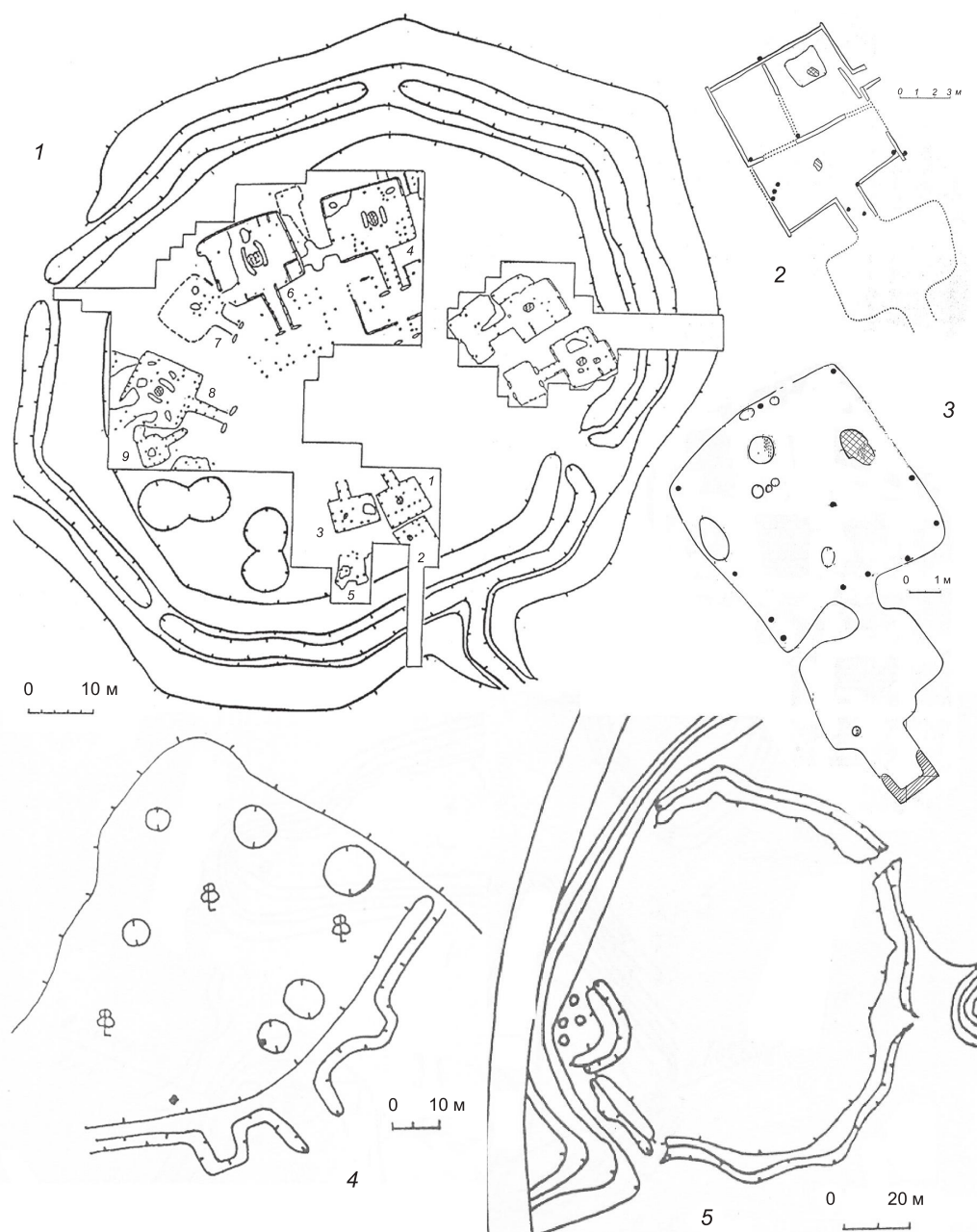

Рис. 2. Планы городищ (1, 4, 5) и жилищ (2, 3) гороховской культуры: 1 – Гороховское, 2 – Воробьевское, 3 – Ботники-1б, 4 – Матайкул, 5 – Мурзинское.

Fig. 2. Plans of fortified settlements and dwellings of the Gorokhovo culture

стойкость к высоким температурам и препятствует растрескиванию емкостей при обжиге, как установлено в эксперименте (Корякова, Федоров, 1993. С. 84), видимо, заимствована от уральских металлургов.

Разделение керамики на два типа обусловлено различием морфологических признаков и декора. Воробьевская посуда отличается большими размерами, прямыми и более высокими,

утолщенными за счет подлепа дополнительной ленты, шейками, плоскими венчиками. Декор нанесен гребенчатым штампом в виде крупных отпечатков зубцов или размашистых нарезов, цвет серый или серо-коричневый, внешняя поверхность часто закопчена (рис. 3, 4–10; 5, 1). Гороховская посуда характеризуется разреженными узорами в виде резных елочки, зигзага, фестонов, а также поясков наколов или защипов. Часть нарезов выполнена

также гребенчатым штампом, поскольку в глубине отпечатка видны смазанные поперечные линии орнамента. Горшки – круглодонные, плавно профилированные, с округлыми венчиками, цвет поверхности – ярко-коричневый, реже серый (рис. 4, 7–10; 5, 2–5).

Полагаю, что В.Е. Стояновым была недостаточно аргументирована более поздняя хронологическая позиция гороховского типа относительно воробьевского. Он располагал только стратиграфией Борового селища, где не датированное гороховское погребение было впущено в поселенческий слой с воробьевской и гороховской керамикой, а также фактом двух эпизодов обитания на Воробьевском городище (Стоянов, 1969. С. 60), имеющим те и другие сосуды, хронологические позиции которых установить не удалось. На всех поселениях та и другая керамика встречаются совместно, но в разных пропорциях, в том числе и по данным современных раскопок с детальной фиксацией массового материала. Исследователи городища Павлиново помещают воробьевские черепки на одни таблицы с гороховскими и сосудами синкретического облика, подписывая их “керамика гороховской культуры” (Среда..., 2009. Рис. 5.8, 1–3, 7, 12; 5.9, 1, 12; 5.10, 6, 8, 9; 5.11, 9–11). На рисунки 5.14 и 5.15 под названием “керамика воробьевского типа” вынесены более крупные обломки таких же сосудов с гребенчатым штампом, что и на предшествующие, причем, если сравнить, то обе разновидности керамики происходят из вторичного заполнения одних и тех же разновременных построек 4 и 5, а также из межжилищного пространства. Авторы отмечают периодическую встречаемость “среди керамики гороховского типа фрагментов массивных шеек, характерных для воробьевских сосудов, и наличие в керамике гороховского типа значительного процента шеек орнаментированных гребенчатым штампом” (Среда..., 2009. С. 125). Обратим внимание на выводы о распределении в слое: гороховская керамика занимает нижнюю стратиграфическую позицию на площадках вблизи оборонительной линии, а воробьевская – в постройке 10 в центральной части крепости; на межжилищном пространстве та и другая соответствуют уровню древней поверхности (С. 128), т.е. хронологических различий между ними не установлено.

Как видим, отнесение памятников к воробьевской или гороховской группе делалось по преобладанию в раскопе черепков одного вида

над другими, что могло иметь случайный характер. За прошедшие 40 лет с момента выделения воробьевского типа памятников не было открыто никаких поселений и могильников, относимых к этому таксону, хотя корпус источников по раннему железному веку вырос втрое. Ареалы распространения керамических типов полностью совпадают, что уже аргументировалось (Матвеева, 1991. Рис. 1; Могильников, 1992. Карты 18, 19), а погребения имеют только гороховскую посуду, воробьевской в них нет, или она встречается единично за пределами могил: например, могильники Скаты (рис. 4, 4–6) и Шадринский. Это отмечали и другие исследователи (Могильников, 1992. С. 282; Пантелеева, 2010. С. 93), но не давали объяснения. Считаю, что разнотипность данных керамических форм сомнительна. Налицо их функциональное различие, поскольку высота шейки и декор коррелируют с диаметром сосуда. Воробьевская посуда – кухонная, по моей выборке из могильников и поселений, она имеет диаметр от 20 до 40 см, а гороховская – столовая (диаметром 6–16 см). По измерениям С.Е. Пантелеевой коллекции Павлинова городища для первой средние величины составляют 29–36 см, для второй – 22–23 см (рис. 6). Всегда присутствует группа керамики, сочетающая и те, и другие черты, о чем писал и В.Е. Стоянов (1969. С. 60). В материалах из наших раскопок однослойного поселения Ботники-1б керамики мало в целом, но она сочетает высокие толстые шейки воробьевских сосудов, декорированные размашистыми нарезками гребенки, с гороховскими тонкостенными маленькими горшочками, украшенными наколами (рис. 4, 7–10).

Приведем здесь статистику керамики гороховской культуры с шести изученных раскопками поселений² (таблица). Многомерная классификация по данным таблицы в программе Statistica.6 позволила сгруппировать все объекты в два кластера (рис. 7): в первый вошли Речкино-2, Воробьево и Носиловское, во второй – Чудаки, Речкино-1 и Рафайлово. Вес такого признака, как высокая доля гребенчатой техники орнамента у носиловской и речкинской-1 коллекции, оказался снивелированным другими показателями морфологического характера, техники и элементов декора, имеющими значительно меньший размах

² С Рафайловского городища и селища посуда собрана в общую коллекцию типологически; см. Матвеева, 1991.

Характеристика керамики гороховских поселений, %

Characteristics of the pottery from the Gorokhovo settlements, %

Признаки	Памятники					
	Носиловское	Воробьевское	Речкино-1	Речкино-2	Чудаки	Рафайлово
Горшок: с вертикальной шейкой	67.7	47.6	59.3	32.7	79.9	11.1
с отогнутой шейкой	17.1	10.3	2.0	30.6	11.5	72.5
с наклонной вовнутрь шейкой	—	14.3	16.3	—	—	—
с вогнутой шейкой	9.5	27.8	16.3	36.7	9.5	5.5
с дугообразно выгнутой шейкой	3.8	—	—	—	—	11.1
Чаша	1.9	—	6.1	—	—	—
Бортик прямой	31.0	35.5	32.6	36.6	1.9	30.0
скошенный	20.0	25.2	34.7	19.7	17.6	5.0
округлый	11.0	13.3	3.8	15.1	27.9	25.0
заостренный	—	8.1	5.8	3.0	11.1	5.0
отогнутый	7.0	5.9	15.4	7.6	24.1	10.0
с карнизиком	15.0	—	7.7	9.1	7.4	25.0
прямой со скосом	—	4.4	—	3.0	—	—
скошенный с подлепом-наплывом	4.0	7.4	—	3.0	—	—
утолщенный плоский	12.0	—	—	3.0	—	—
Резной узор	14.0	44.4	17.3	51.7	46.9	66.7
Гребенка	95.0	22.2	76.8	39.5	4.5	33.3
Проташенная гребенка	11.0	3.0	19.2	19.8	—	—
Уголковый штамп	6.0	0.7	—	6.1	—	—
Ямки	6.0	0.7	—	3.0	—	—
Защипы	—	3.7	—	4.6	—	—
Наколы	5.0	10.4	—	6.1	17.7	—
Горизонтальные линии	23.0	15.5	3.9	15.2	5.3	14.5
Наклонные	78.0	85.1	86.7	56.2	56.3	38.1
Вертикальные	7.0	9.6	1.9	4.5	—	—
Зигзаги	4.0	5.2	3.9	3.0	17.6	—
Фестоны	3.0	7.4	—	7.6	1.8	14.3
Елочка горизонтальная	2.0	3.0	—	4.5	—	28.6
Елочка вертикальная	1.0	—	—	—	2.6	4.8
Решетка	2.0	5.9	5.9	4.5	0.9	4.8
Трилистники (птичьи следы)	—	2.2	2.2	1.5	0.9	—
Группированные отрезки	27.0	3.0	3.0	1.5	—	—
Качалка	16.0	0.7	0.7	—	—	9.5

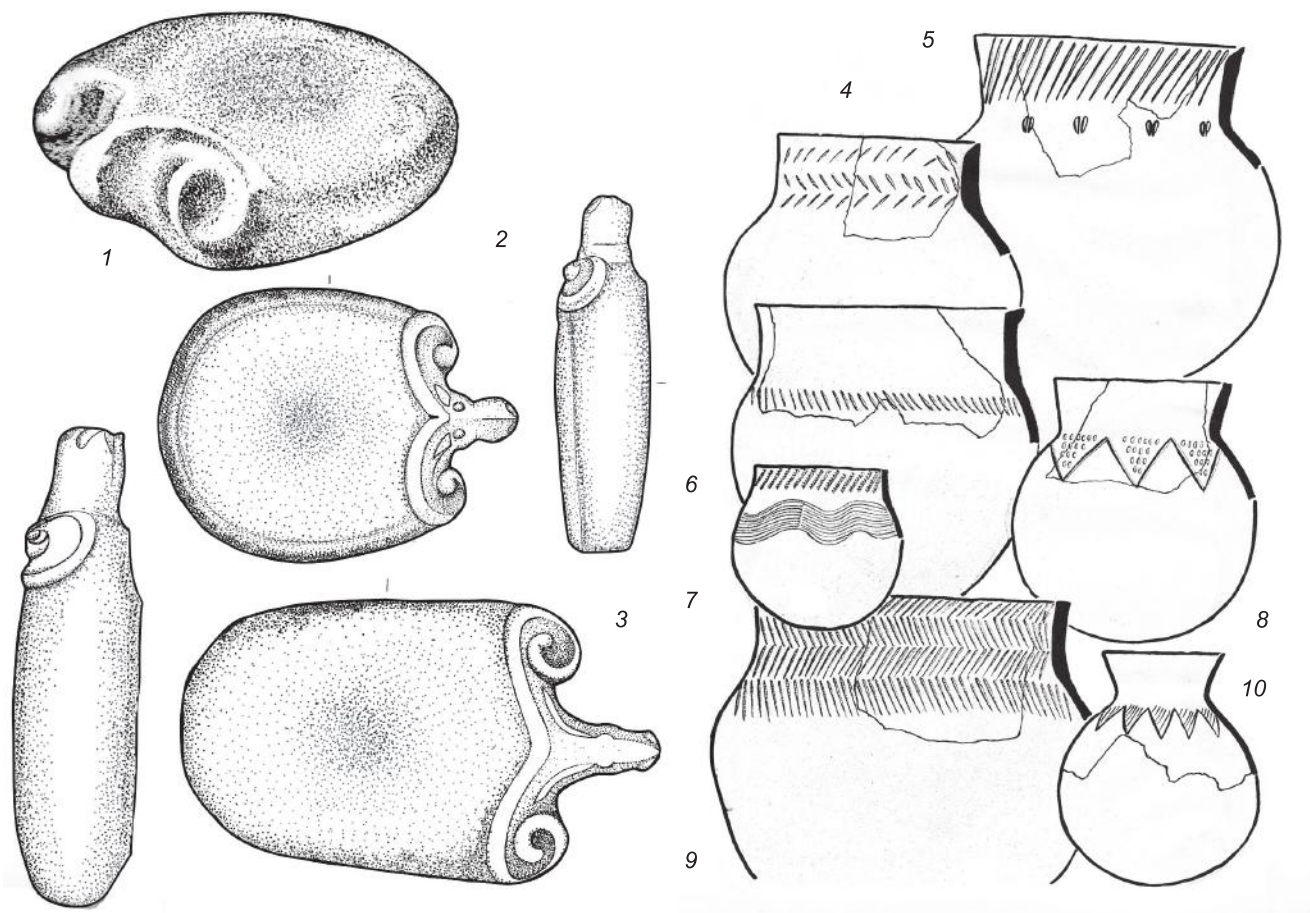

Рис. 3. Каменные жертвенники (1–3) и керамика (4–10) гороховской культуры с Носиловского городища.

Fig. 3. Stone altars (1–3) and pottery (4–10) of the Gorokhovo culture from the Nosilovo fortified settlement

вариации, т.е. других существенных различий в формах и узорах посуды отдельных памятников не прослежено.

Элитные курганы гороховской культуры представляют собой площадки со следами огненного ритуала, окруженные рвом, перекрытые многослойной насыпью, создававшейся в несколько приемов. Они одномогильные или двухмогильные с параллельным размещением ям, с обожженными перекрытиями и облицовкой могил деревом, каркасными “домами мертвых”, как, например, Царев курган. Зафиксирована такая оригинальная деталь, как оформление дна могилы в виде приподнятой площадки для установки гроба (рис. 8, 12). Из новых раскопок выразителен своими масштабами и сложностью конструкций могильник Скаты, изучавшийся российско-французской экспедицией (Habitats ..., 2002. Р. 67–74. Fig. 33, 38), там есть керамика гороховского и воробьевского

типов (рис. 4, 1–5), а также сочетающая те и другие черты, встреченная в одних сооружениях (Habitats ..., 2002. Р. 69; Fig. 44–46). Отличие от саргатской культуры заключается в преимущественной одномогильности и малых размерах рядовых курганов, расположении следов тризны и поминок под восточными полами насыпей (Могильников, 1992. С. 287). Известны могильники Куртугуз-1, Березки-V (Корякова, 1991. С. 35; Стефанов, 1998. С. 115) с каменными набросками над захоронениями, которые локализуются собственно на Урале и отражают какой-то автохтонный компонент – с обертыванием тела в бересту, жертвенной пищей из мяса диких животных. Любопытно совпадение традиций гороховских общин, таких как расплющивание зеркал, срезание с одежды колокольчиков (Мавринский Увал), с традициями, зафиксированными у обских угров. Кроме того, К.В. Сальников обращал внимание на использование костей зайца и гуся в кургане

Разбегаево как религиозно-тотемических символов, что находит аналогии в культуре хантов и манси (Сальников, 1966. С. 122).

Для ареала гороховской культуры характерны находки на поверхности распаханых курганов каменных плит в виде лежащего барана (Могильников, 1992. С. 290; Таиров, 2000. С. 79, 83; Ченченкова, 2004) как отличительной черты обрядов (рис. 3, 1–3), что соответствует высокой доле мелкого рогатого скота в стаде и особой важности его при жертвоприношении (Сальников, 1966. С. 121); например, известна находка бляхи с выгравированной головой барана. С гороховской культурой В.А. Могильников и А.Д. Таиров связывают бронзовые литые фигурки воинов из Сапоговского клада (Могильников, 1992. С. 288; Таиров, 2000. С. 80).

Гороховское население принадлежало к европеоидной расе, типу, сходному с савроматским, но имело небольшие монголоидные признаки в виде уплощенного в горизонтальной плоскости лица, было близко сарматам Оренбуржья и саргатским племенам Притоболья (Багашев, 1996. С. 24, 27), а также носителям южно-таежной кашинской культуры, локализуемой в Тоболо-Ишимье. Причем особенности оренбургской группы сарматов, по мнению А.Н. Багашева, состоят именно во включении расового компонента, наиболее четко представленного в гороховской культуре (Багашев, 1997. С. 74), что, на мой взгляд, является антропологическим подтверждением последующей миграции ее носителей на Южный Урал. Кроме того, высокая величина индекса ISC, индикатора финно-угорских народов, у населения могильника Алтынасар-4, формировавшегося с участием групп Приуральско-западносибирского региона (Рыкушина, 1995. С. 248, 294), а также специфические находки в виде литых подвесок с изображением медведя, сосудов с ручками в виде медведей в слоях ряда городищ и некрополей периода Джетыасар-1, кувшинов и горшков ручной лепки с пропорциями, характерными для Зауралья, в курганах Косасар-2 (Левина, 1996. С. 195, 246. Рис. 165, 166] могут подтверждать брачные и хозяйственные контакты гороховцев с населением Нижней Сыр-Дарьи.

Как видим, оригинальность во всех сферах быта и религиозных верований была присуща гороховскому населению на протяжении как минимум четырех веков. Более многочисленное, расселявшееся восточнее в лесостепи

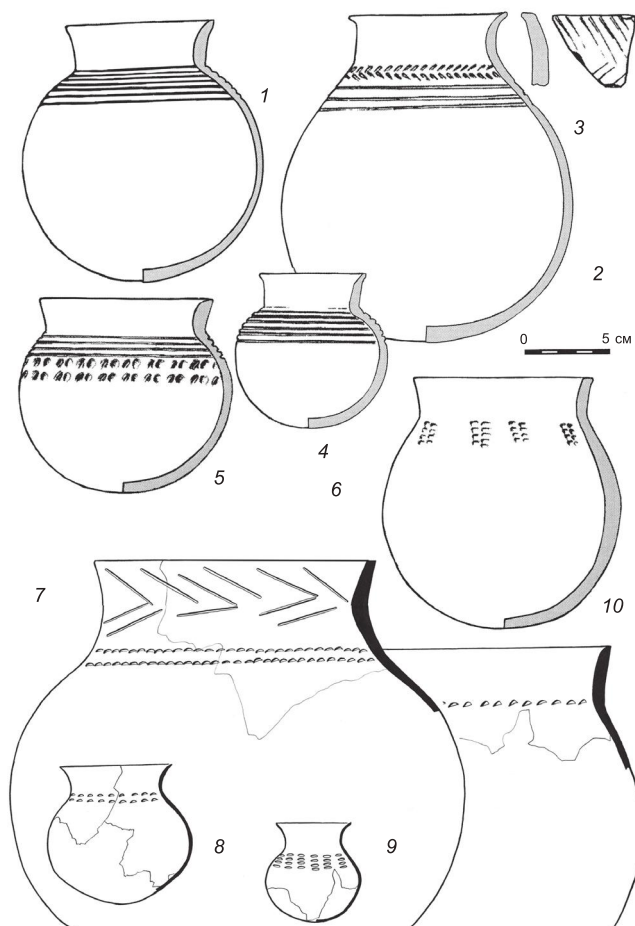

Рис. 4. Керамика могильника Скаты (1–6) и поселения Ботники-1б (7–10).

Fig. 4. Pottery of the Skaty burial ground (1–6) and the settlement of Botniki-1b (7–10)

Западной Сибири саргатское население, отличается от него по основным характеристикам источников: саргатские городища – мысовые треугольные и береговые прямоугольные с простыми линиями обороны, жилища – полужемляночные многокамерные, усадебные, состоящие из 3–4 строений, соединенных углубленными коридорами; поселения – с насыщенным находками слоем и следами перестроек сооружений. Саргатская керамика – круглодонная шамотная с небольшими долями других примесей (песка, органики), колеблющимися по локальным районам (отдельные блестящие талька встречаются в формовочных массах только в Среднем Притоболье). Она емкостно-донного способа конструирования, плоскодонные сосуды единичны, с резным и накольчатым декором, гребенчатый штамп в ней отсутствует, со временем наблюдается

Рис. 5. Керамика городища Павлиново. Воробьевский тип посуды (1) и гороховский тип посуды (2–7) (по: Среда..., 2009).
Fig. 5. Pottery of the Pavlinovo fortified settlement: Vorobyevo type of ware (1) and Gorokhovo type of ware (2–7)

стандартизация производства (Кобелева, 2009. С. 14, 25). Погребальные памятники саргатской культуры отличаются многомогильностью и расположением захоронений вокруг центра по кругу, обязательным наличием рва вокруг насыпи. При вводе новых захоронений ров углубляли или расширяли, либо выкапывали еще один. Жертвенников с головой барана в саргатском ареале нет.

Сходными с гороховскими являются наборы инвентаря сарматского облика, особенно близки наконечники стрел, поступавшие, как установлено, в ходе торговых контактов от иткульских металлургов, курильницы, бронзовые котлы, бусы и металлические украшения как отражение престижного потребления, наступательное оружие ближнего боя. Об интенсивном взаимодействии этих групп населения говорит одинаковый состав бронз, а также факт находки гороховских сосудов со следами медеплавления на Рафайловском городище, указывающий на гороховское участие в транзите сырья и изделий (Матвеева, 1993. С. 122). На проникновение гороховских групп непосредственно в иткульские производственные очаги указывают их захоронения рядом с металлургическими площадками на Малом Вишневом острове озера Аргазы (Бельтикова, 1988. С. 107). Как и В.Ю. Зуев (1996. С. 28), полагаем, что сеть гороховских городищ указывает на систему защиты кочевий и экономических связей с оседлым иткульским и саргатским населением.

Остановимся на вопросе о “саргатско-гороховском этапе” саргатской общности. Термин

я считаю неудачным (как и “горизонт” по С.Г. Боталову), так как в других районах – в Приишимье, Прииртышье, Барабе – гороховских материалов нет. Поэтому распространять на весь ареал специфику взаимодействия притобольских групп саргатского населения с западными соседями неверно. На других территориях более весомыми были связи с кулайскими, богочановскими, большещеченскими, а на севере Притоболья – с кашинскими этнокультурными группами.

Рассматривать гороховские памятники как локальный, притобольский вариант саргатской культуры (Полосьмак, 1986. С. 33) также неправомерно. Ареалы этих культур совпадают только наполовину, на территории челябинской группы памятников, в лесостепи ближе к Уралу, западнее Шадринска, в рассматриваемый период саргатских древностей нет (см. схему: Матвеева, 2000. Рис. 1). Хронологические позиции данных культур также различны, обе группы древностей сосуществовали только в IV–III вв. до н.э., позднее саргатская культура продолжает существовать до рубежа III–IV вв. н.э., а гороховская исчезает.

Конфронтация гороховского и саргатского населения повлекла за собой строительство городищ по Исети и Тоболу и стремление занять господствующие увалы под курганные могильники, определенную конкуренцию за пастбищные ресурсы и значимые в военном отношении высоты. Полагаем, она выразилась и в том, что часть курганов содержит захоронения той и другой культуры (Матвеева, 1991. С. 161; Среда..., 2009. С. 244; 267, 268),

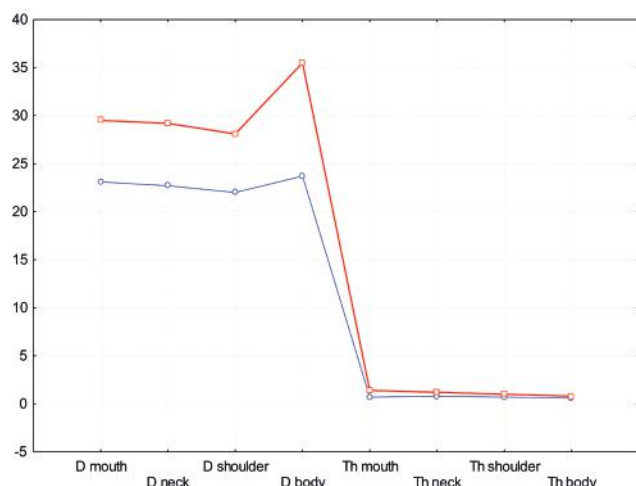

Рис. 6. График соотношения средних диаметров сосудов и толщины стенок у посуды гороховского и воробьевского типа на городище Павлиново (D — диаметр, Th — толщина (в см); по: Среда..., 2009).

Fig. 6. Graph of the ratio of the average vessel diameters and the wall thickness of the Gorokhovo and Vorobyev types of ware in the Pavlinovo fortified settlement

например, малый курган без рва Марьино Ущелье-5 рядом с одноименным гороховским городищем IV–III вв. до н.э. В нем центральное саргатское погребение трех человек (рис. 8, 4, 8–10) было перекрыто мощным прокалом и одиночным гороховским захоронением под ним (рис. 8, 1, 5–7), причем кости погребенного в яме спеклись, но бронзовый инвентарь не разрушился. На тех памятниках, где было детально изучено пространственное и стратиграфическое залегание разнотипных материалов, было установлено предшествование воробьевских и гороховских материалов саргатским, или компактное отложение их в отдельных постройках. Например, на Павлиновом городище обсуждаемая керамика переотложена из котлованов, вырытых в саргатское время, и измельчена (Пантелеева, 2006. С. 13), т.е. имело место последовательное заселение местности.

Этническое развитие, по-видимому, определялось взаимодействием пришлых и автохтонных лесостепных этнических групп. Прослежено несколько волн миграций из сакской и сарматской среды, затем из приаральского региона (Матвеева, 2000. С. 160–190; Koryakova, Yermakhov, 2007. Р. 296). К.Ф. Смирнов считал, что в V в. до н.э. группы савроматов продвинулись в Зауралье и вошли в состав гороховской культуры, население которой было одной из групп лесостепных угро-язычных этносов, подвергшихся сильному иранскому

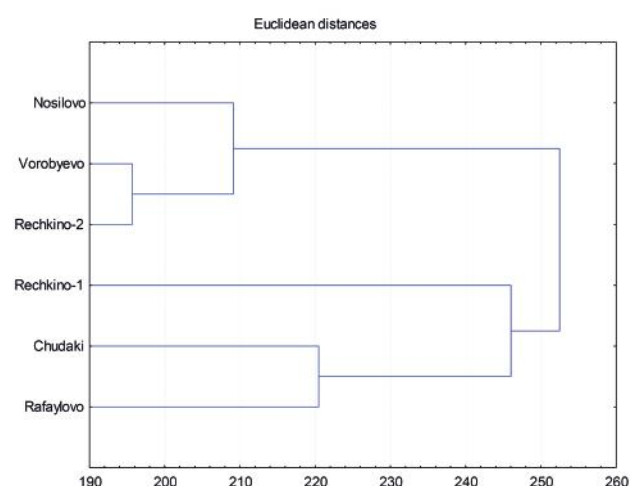

Рис. 7. Дендрограмма керамических комплексов памятников гороховской культуры.

Fig. 7. Dendrogram of pottery complexes of the Gorokhovo culture sites

влиянию (Смирнов, 1964. С. 273–275), с чем согласился и В.А. Могильников, объяснявший этими событиями перемещение гороховцев на север и северо-восток до среднего течения р. Исети (Могильников, 1992. С. 309). Затем, уже с IV в. до н.э. началось движение гороховских объединений на запад и юго-запад (Мошкова, 1974. С. 36, 47). Эпизодически их группы проникали в Приаралье, Оренбургский край и Приуралье (Мошкова, 1989. С. 162; Левина, 1996; Савельев, 2007. С. 190), по-видимому, большей частью они вошли в политический союз сарматов (Смирнов, 1964. С. 287), а частично проникли на р. Белую и в Месягутовскую лесостепь, оставив древности гафурийского и айского типа (Генинг, 1971; Савельев, 2007. С. 181).

Новые доказательства продвижению зауральского населения с тальковой керамикой в Южное Приуралье привела Л.А. Краева в ходе изучения сарматского гончарства, указавшая на появление в IV в. до н.э. специфичной группы посуды, выполненной из массы «глина-тальк-органика» лоскутным налепом по модели-форме, с круглым и уплощенным неустойчивым дном, особенностями конструирования и нанесением узоров гребенчатым штампом. Эту посуду Л.А. Краева трактует как продукцию пришлых мастеров и констатирует процесс культурной интеграции неоднородного населения, отразившийся в IV–III вв. до н.э. в разнообразных сочетаниях старых и новых приемов изготовления посуды (Краева, 2010. С. 63, 64).

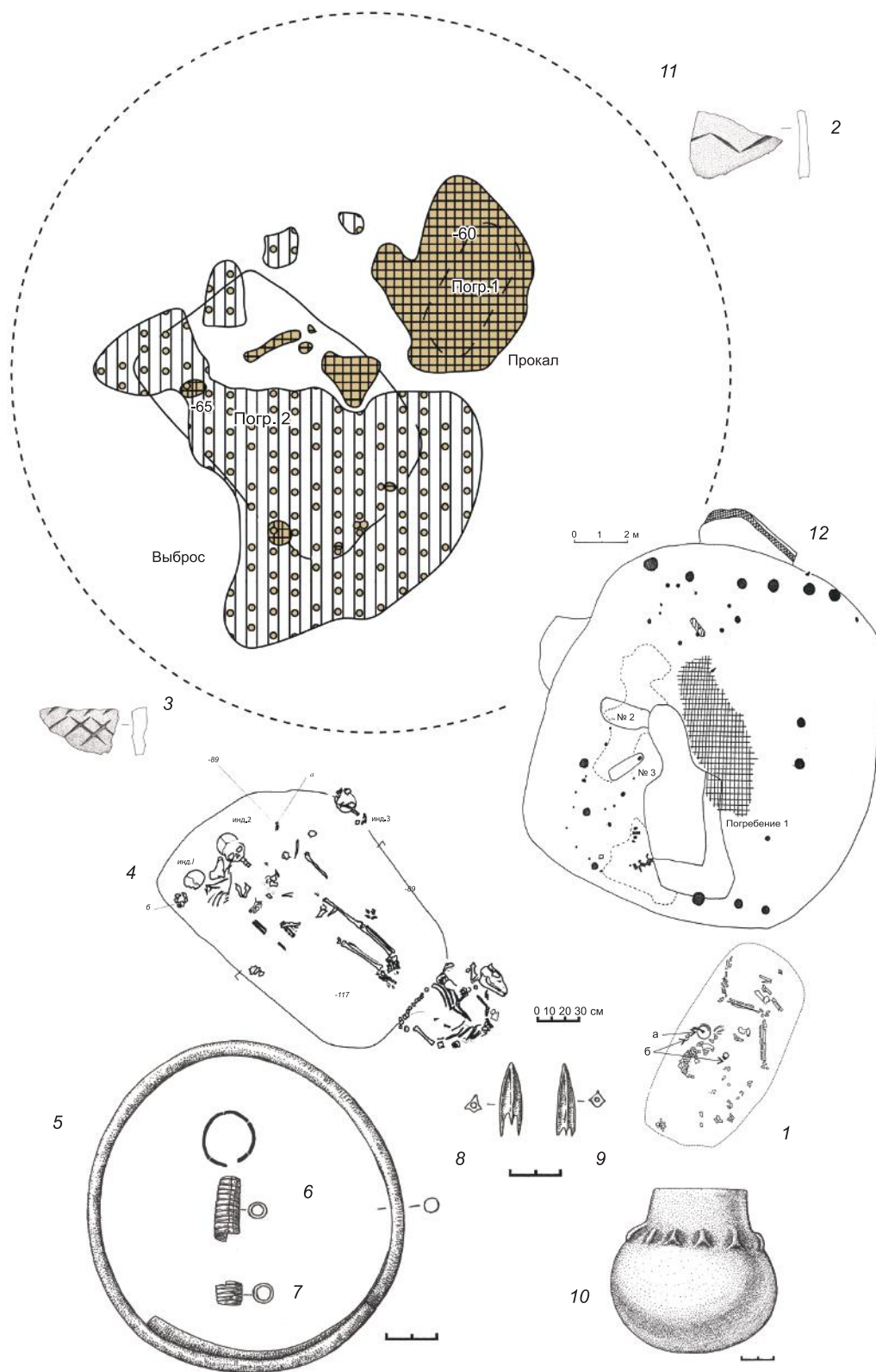

Рис. 8. Погребения в кургане Марьино Ущелье-5 (1–11), план могилы Царева кургана (12); 2, 3, 10 – керамика; 6–9 – бронза.

Fig. 8. Burials in the mound Maryino Ushchelye-5 (1–11) and the plan view of the grave of Tsarev kurgan (12)

Некоторые исследователи, начиная с К.Ф. Смирнова и К.В. Сальникова, Д.А. Мачинского, В.П. Шилова, Л.С. Клейна, рассматривают гороховскую культуру как геродотовских исседонов (Мошкова, 1989. С. 161), другие, не отождествляя с известными народами, – как западную часть “саргатской общности”, оформившуюся вследствие двухвекового взаимодействия разного населения в Притоболье (Корякова, 1991; Могильников, 1992. С. 311; Савельев, 2007. С. 186), а автор – как часть угроззычных кочевников (Матвеева, 1998).

Типологические группы керамики, обозначенные как воробьевская и гороховская, технологически, морфологически и орнаментально имеют существенное сходство в основных признаках, распространены в одном ареале, различаются функционально (как кухонная и столовая). Так называемые памятники воробьевского типа не имеют специфики в других сферах материальной культуры, поэтому должны быть включены в гороховскую культуру. Однако внутренняя динамика развития культуры продолжает оставаться малоизученной.

Носители гороховской культуры занимали северо-восточную периферию мира уральских кочевников в конце VI–III вв. до н.э. и посредничали в обмене с населением лесостепи, а также конкурировали с ним за пастбищное хозяйство, имели оригинальные приемы гончарства, крепости-убежища сложной архитектуры, свой тип жилища, каменные жертвенники, преимущественно одномогильные курганы, европеоидный облик с некоторыми чертами уральской малой расы, своеобразное искусство. Элементы сходства в погребальном обряде и ритуальном инвентаре с кочевниками Южного Урала и Приаралья указывают на формирование гороховской культуры на местной основе под влиянием аккультурации со стороны кочевников. В длительном сохранении своей культурной специфики населением Зауралья видим существование особого этноса, мигрировавшего на запад под давлением более сильных восточных соседей – саргатских насельников Притоболья в IV–III вв. до н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багашев А.Н. Материалы по краниологии населения гороховской культуры // Тюменский исторический сборник: материалы конф. Тюмень: ТЮмГУ, 1996. С. 20–28.

Багашев А.Н. Этногенетические связи саргатских племен // Второй международный конгресс этнографов и антропологов. Ч. 1. Уфа: Восточный ун-т, 1997. С. 63, 64.

Бельтикова Г.В. Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 103–116.

Бельтикова Г.В. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1977. С. 119–133.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков. Екатеринбург: УрГУ, 1992. 188 с.

Боталов С.Г. Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес. Лесостепь. Челябинск: ООО ЦИКР “Рифей”, 2016. С. 468–541.

Булдашев В.А. Погребальная обрядность гороховской культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. 27 с.

Генинг В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971. С. 44–54.

Зах В.А., Зимица О.Ю. Памятники Нижнего Притоболья рубежа бронзового и железного веков // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. № 3. С. 138–149.

Зуев В.Ю. Укрепленные городища лесостепной Евразии и номады скифо-сарматской эпохи: по материалам городища Чудаки в Южном Зауралье // Фортификация в древности и средневековье. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 23–28.

Кобелева Л.С. Технология изготовления керамики саргатской культуры (восточный ареал): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. 26 с.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 240 с.

Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века): препринт. Екатеринбург, 1991. 53 с.

Корякова Л.Н., Федоров Р.О. Гончарные навыки зауральского населения в раннем железном веке // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 76–96.

Краева Л.А. К вопросу о примеси талька в сарматской керамике Южного Приуралья // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С. 58–65.

Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гавевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование / Ред. Л.Н. Корякова. Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. 180 с.

- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.
- Матвеева Н.П. Ранний железный век Среднего Притоболья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987. 21 с.
- Матвеева Н.П. О соотношении гороховских и воробьевских памятников в Среднем Притоболье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1991. С. 148–164.
- Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.
- Матвеева Н.П. Еще раз о проблеме прародины венгров // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы междунар. семинара, посвящ. 155-летию Д.Н. Анучина. Ч. 2. Омск: СПб., 1998. С. 13–15.
- Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
- Матвеева Н.П. Заметки об изучении раннего железного века западносибирской лесостепи // Археологические изыскания в Западной Сибири (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой). Новосибирск: НГПУ, 2010. С. 109–117.
- Могильников В.А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992 (Археология СССР). С. 274–311.
- Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.
- Мошкова М.Г. История изучения савромато-сарматских племен // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989 (Археология СССР). С. 158–164.
- Обыденнов М.Ф. Вопросы угорского этногенеза по археологическим источникам // XIII Уральское археологическое совещание: тез. докл. Ч. 2. Уфа: Уфим. НУ РАН, 1996. С. 56–60.
- Пантелеева С.Е. Хроно-стратиграфия Павлинова городища по результатам анализа керамики: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. 22 с.
- Пантелеева С.Е. Гороховская культура: формирование и динамика развития (по материалам керамических коллекций) // Уральский исторический вестник. Вып. 2 (27). Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2010. С. 87–95.
- Полосьмак Н.В. Культурная принадлежность гороховской группы памятников // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 29–33.
- Рыкушина Г.В. Одонтологическая характеристика населения джетыасарского времени // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 2: Джетыасарская культура. Ч. 5. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1995. С. 290–303.
- Савельев Н.С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа: Гилем, 2007. 260 с.
- Сальников К.В. Городище Чудаки Челябинской области // СА. 1947. № 9. С. 221–238.
- Сальников К.В. Иткульская культура // Ученые записки Челябинского областного музея. Вып. 1. Челябинск, 1962. С. 13–26.
- Сальников К.В. Состав населения лесостепного Зауралья в сарматское время // Советская этнография. 1966. № 5. С. 118–124.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. М.: Наука, 1964. 397 с.
- Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. / Л.Н. Корякова, М.И. Дэйр, А.А. Ковригин, С.В. Шарапова, Н.А. Берсенева, С.Е. Пантелеева, Д.И. Ражев, П. Курто, Б. Хэнкс, Е.Г. Ефимова, А.А. Каздым, О.В. Микрюкова, А.О. Сахарова. Екатеринбург: Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.
- Стефанов В.И. Куртугуз-1 – могильник раннего железного века Среднего Зауралья // Урал в прошлом и настоящем: материалы конф. Ч. 1. Екатеринбург: Екатеринбург, 1998. С. 112–116.
- Стоянов В.Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 52–61.
- Стоянов В.Е. Классификация и периодизация западносибирских памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1970. С. 238–253.
- Таиров А.Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. 2. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 3–206.
- Таиров А.Д. Взаимодействия населения лесостепи и степи Южного Зауралья в VII–II вв. до н.э. // Археология Южного Урала. Лес. Лесостепь. Челябинск: ООО ЦИКР “Рифей”, 2016. С. 443–467.
- Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н.э. Екатеринбург: Тезис, 2004. 336 с.
- Шарапова С.В. Традиции изготовления керамики и орнаментальные стили населения Зауралья в раннем железном веке // АЭАЕ. 2004. № 4. С. 123–134.
- Шорин А.Ф. Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1988. 25 с.
- Habitats et nécropoles de l'Âge du Fer au carrefour de l'Eurasie, Fouilles 1993–1997. Paris: De Boccard, 2002 (Memoires de la mission archeologique francaise en asie centrale; T. XI). 292 p.
- Koryakova L., Epimakhov A. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge: Cambridge university press, 2007. 360 p.

THE GOROKHOVO CULTURE IN THE SYSTEM OF THE TRANS-URAL ANTIQUITIES OF THE EARLY IRON AGE

Nataliya P. Matveyeva

Tyumen State University, Russia

E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru

The paper analyzes the discussion on the place of the Gorokhovo culture in the system of the early Iron Age antiquities in the Trans-Urals. The author proves functional diversity of the two types of ware: Vorobyev type is interpreted as kitchen utensils and package, while Gorokhovo type is tableware. They are found together in all settlements that makes it possible to unite them in one single Gorokhovo culture. Originality of the dwelling structures, fortified settlements, pottery techniques, cult objects, and burial sites prevent us from treating the Gorokhovo culture as a period or a local variant of the Sargat culture. Their areas, chronological intervals, and main features of the material sphere differ. The population of the Gorokhovo culture occupied the northern and eastern parts of periphery of Ural nomads' lands in the 6th – 3rd centuries BC. They were mediators in trade and competitors in the struggle for control over caravan routes and pastures against forest-steppe groups. It is assumed that the cause of disappearance of the Gorokhovo culture was its carriers' migration in the 4th – 3rd centuries BC to the Southern Urals under the pressure of their eastern neighbours, the population of the Sargat culture.

Keywords: Trans-Urals, forest-steppe, nomads, the Gorokhovo culture.

REFERENCES

- Bagashev A.N., 1996. Materials on the craniology of the population of the Gorokhovo culture. *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik: materialy konferentsii* [Tyumen collection of articles on history: Conference proceedings]. Tyumen': Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 20–28. (In Russ.)
- Bagashev A.N., 1997. Ethnogenetic connections of the Sargat tribes. *Vtoroy mezhdunarodnyy kongress etnografov i antropologov* [The Second International Congress of Ethnographers and Anthropologists], 1. Ufa: Vostochnyy universitet, pp. 63–64. (In Russ.)
- Bel'tikova G.V., 1977. The Itkul settlements. *Arkheologicheskiye issledovaniya na Urale i v Zapadnoy Sibiri* [Archaeological research in the Urals and in Western Siberia]. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 119–133. (In Russ.)
- Bel'tikova G.V., 1988. A site of metal production on the island of Maly Vishnevy. *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri* [Material culture of the ancient inhabitants of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 103–116. (In Russ.)
- Borunov V.A., 1992. Zaural'ye na rubezhe bronzovogo i zheleznoy vekov [The Trans-Urals at the turn of the Bronze and Iron ages]. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 188 p.
- Botalov S.G., 2016. Historical and cultural horizons in the Early Iron Age and the Middle Ages of the steppe Trans-Urals. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Lesostep'* [Archaeology of the Southern Urals. Forest. Forest-steppe]. Chelyabinsk: Rifei, pp. 468–541. (In Russ.)
- Buldashev V.A., 1998. Pogrebal'naya obryadnost' gorokhovskoy kul'tury: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Funeral ritualism of the Gorokhovo culture: the author's abstract of a thesis for the Doctoral Degree in History]. Novosibirsk. 27 p.
- Chenchenkova O.P., 2004. Kamennaya skulptura lesostepnoy Azii epokhi paleometalla III–I tys. do n.e. [Stone sculpture of the forest-steppe Asia of the Early Metal Age in the 3rd – 1st millennia BC]. Ekaterinburg: Tezis. 336 p.
- Gening V.F., 1971. Ethnic substrate in the composition of the Bashkirs and its origin. *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archaeology and ethnography of Bashkiria], IV. Ufa, pp. 44–54. (In Russ.)
- Habitats et nécropoles de l'Âge du Fer au carrefour de l'Eurasie, Fouilles 1993–1997. Paris: De Boccard, 2002. 292 p. (Mémoires de la mission archéologique française en Asie centrale, XI).
- Kobeleva L.S., 2009. Tekhnologiya izgotovleniya keramiki sargatskoy kul'tury (vostochnyy areal): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [The pottery technology of the Sargat culture (eastern area): the author's abstract of a thesis for the Doctoral Degree in History]. Novosibirsk. 26 p.
- Koryakova L., Epimakhov A., 2007. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge: Cambridge university press. 360 p.

- Koryakova L.N., 1988. Ranniy zheleznyy vek Urala i Zapadnoy Sibiri [The Early Iron Age of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 240 p.
- Koryakova L.N., 1991. Kul'turno-istoricheskiye obshchnosti Urala i Zapadnoy Sibiri (Tobolo-Irtyshskaya provintsiya v nachale zheleznogo veka): preprint [The cultural and historical communities of the Urals and Western Siberia (the Tobol-Irtysh province in the early Iron Age): preprint]. Ekaterinburg. 53 p.
- Koryakova L.N., Fedorov R.O., 1993. Pottery skills of the Trans-Ural population in the early Iron Age. *Znaniya i navyki ural'skogo naseleniya v drevnosti i srednevekov'ye* [Knowledge and skills of the Ural population in the Antiquity and Middle Ages]. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 76–96. (In Russ.)
- Krayeva L.A., 2010. On the talc admixture in the Sarmatian ceramics of the Southern Cis-Urals. *Drevneye goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya* [Ancient pottery: results and perspectives of study]. Moscow: IA RAN, pp. 58–65. (In Russ.)
- Kul'tura zaural'skikh skotovodov na rubezhe er. Gayevskiy mogil'nik sargatskoy obshchnosti: antropologicheskoye issledovaniye [Culture of the Trans-Ural pastoralists at the turn of the periods. The Gaevsky burial ground of the Sargat community: an anthropological study]. L.N. Koryakova, ed. Ekaterinburg: Ekaterinburg, 1997. 180 p.
- Levina L.M., 1996. Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya [Ethnocultural History of the Eastern Aral littoral region]. Moscow: Vostochnaya literatura. 396 p.
- Matveyeva N.P., 1987. Ranniy zheleznyy vek Srednego Pritobol'ya: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Early Iron Age of the Middle Tobol region: a thesis for the Doctoral Degree in History]. Novosibirsk. 21 p.
- Matveyeva N.P., 1991. On the correlation between the Gorokhovo and Vorobyeyovo sites in the Middle Tobol region. *Istochniki etnokul'turnoy istorii Zapadnoy Sibiri* [Sources of the ethnocultural history of Western Siberia]. Tyumen': Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 148–164. (In Russ.)
- Matveyeva N.P., 1993. Sargatskaya kul'tura na Srednem Tobole [The Sargat culture in the Middle Tobol region]. Novosibirsk: Nauka. 175 p.
- Matveyeva N.P., 1998. Once again on the proto-homeland of the Hungarians. *Integratsiya arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy. Materialy mezhdunarodnogo seminara, posvyashchennogo 155-letiyu D.N. Anuchina* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research. Proceedings of the International Seminar devoted to the 155th anniversary of D.N. Anuchin], 2. Omsk; St. Petersburg, pp. 13–15. (In Russ.)
- Matveyeva N.P., 2000. Sotsial'no-ekonomicheskiye struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke [Social and economic structures of Western Siberian population in the Early Iron Age]. Novosibirsk: Nauka. 399 p.
- Matveyeva N.P., 2010. Notes on studying the Early Iron Age of the West Siberian forest-steppe. *Arkheologicheskiye izyskaniya v Zapadnoy Sibiri (k yubileyu professora T.N. Troitskoy)* [Archaeological research in Western Siberia (to the anniversary of Prof. T.N. Troitskaya)]. Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 109–117. (In Russ.)
- Mogil'nikov V.A., 1992. Forest-steppe of the Trans-Urals and Western Siberia. *Stepnaya polosaya Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya* [Steppe belt of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period]. Moscow: Nauka, pp. 274–311. (In Russ.)
- Moshkova M.G., 1974. Proiskhozhdeniye rannesarmatskoy (prokhorovskoy) kul'tury [The origin of the early Sarmatian (Prokhorovka) culture]. Moscow: Nauka. 52 p.
- Moshkova M.G., 1989. The history of studying Savromat-Sarmatian tribes. *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya* [Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period]. Moscow: Nauka, pp. 158–164. (Arkheologiya SSSR.). (In Russ.)
- Obydenov M.F., 1996. Issues of the Ugric ethnogenesis based on archaeological sources. *XIII Ural'skoye arkheologicheskoye soveshchaniye: tezisy dokladov* [XIII Ural Archaeological panel meeting: abstracts], 2. Ufa: Ufimskiy nauchnyy tsentr RAN, pp. 56–60. (In Russ.)
- Panteleyeva S.E., 2006. Khrono-stratigrafiya Pavlinova gorodishcha po rezul'tatam analiza keramiki: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Chrono-stratigraphy of the Pavlinovo settlement based on the analysis of pottery: a thesis for the Doctoral Degree in History]. Ekaterinburg. 22 p.
- Panteleyeva S.E., 2010. The Gorokhovo culture: the formation and dynamics of development (based on pottery collections). *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2(27). Ekaterinburg: Institut istorii i arkheologii Ural'skogo otdeleniya RAN, pp. 87–95. (In Russ.)
- Polos'mak N.V., 1986. Cultural attribution of the Gorokhovo group of sites. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 186, pp. 29–33. (In Russ.)
- Rykushina G.V., 1995. Odontological characteristics of the population of the Jetyasar period. *Nizov'ya Syrdar'i v drevnosti* [The Lower Syrdarya in antiquity], 2. *Dzhetyasarskaya kul'tura* [The Jetyasar culture], 5. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, pp. 290–303. (In Russ.)

- Sal'nikov K.V., 1947. The fortified settlement of Chudaky in Chelyabinsk Region. *Sovet. Arkheol.*, 9, pp. 221–238. (In Russ.)
- Sal'nikov K.V., 1962. The Itkul culture. *Uchenyye zapiski Chelyabinskogo oblastnogo muzeya* [Transactions of the Chelyabinsk Regional Museum], 1. Chelyabinsk, pp. 13–26. (In Russ.)
- Sal'nikov K.V., 1966. Composition of the forest-steppe Trans-Ural inhabitants in the Sarmatian period. *Sovet. Etnograf.*, 5, pp. 118–124. (In Russ.)
- Savel'yev N.S., 2007. Mesyagutovskaya lesostep' v epokhu rannego zheleza [Mesyagutovo forest steppe in the Early Iron Age]. Ufa: Gilem. 260 p.
- Sharapova S.V., 2004. Traditions of pottery making and ornamentation styles of the Trans-Ural population in the Early Iron Age. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 4, pp. 123–134. (In Russ.)
- Shorin A.F., 1988. Sredneye Zaural'ye v epokhu razvitya i pozdney bronzy: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [The Middle Trans-Urals in the developed and Late Bronze Age: a thesis for the Doctoral Degree in History]. Novosibirsk. 25 p.
- Smirnov K.F., 1964. Savromaty [The Savromats]. Moscow: Nauka. 397 p.
- Sreda, kul'tura i obshchestvo lesostepnogo Zaural'ya vo vtoroy polovine I tys. do n.e. [Environment, culture and society of the forest-steppe Trans-Urals in the second half of the 1st millennium BC]. L.N. Koryakova et al. Ekaterinburg; Surgut: Magellan, 2009. 298 p.
- Stefanov V.I., 1998. Kurtuguz-1 — an Early Iron Age cemetery of the Middle Trans-Urals. *Ural v proshlom i nastoyashchem: materialy konferentsii* [The Urals in the Past and Present: Conference proceedings], 1. Ekaterinburg: Ekaterinburg, pp. 112–116. (In Russ.)
- Stoyanov V.E., 1969. Trans-Ural forest-steppe settlements of the Early Iron Age. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archeology]*, 119, pp. 52–61. (In Russ.)
- Stoyanov V.E., 1970. Classification and periodization of West Siberian sites of the Early Iron Age. *Problemy khronologii i kul'turnoy prinalozhnosti arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoy Sibiri* [Issues of chronology and cultural attribution of West Siberian archaeological sites]. V.I. Matyushchenko, ed. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, pp. 238–253. (In Russ.)
- Stoyanov V.E., Shiryayev A.G., 1964. The settlement of Rechkino-1. *Voprosy arkheologii Urala* [Ural archaeology issues], 6. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 72–85. (In Russ.)
- Tairov A.D., 2000. The Early Iron Age. *Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya* [Ancient history of the Southern Trans-Urals], 2. Chelyabinsk: Izdatel'stvo Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 3–206. (In Russ.)
- Tairov A.D., 2016. Interactions of the forest-steppe and steppe inhabitants of the Southern Trans-Urals in the 7th — 2nd centuries BC. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Les. Lesostep'* [Archaeology of the Southern Urals. Forest. Forest-steppe]. Chelyabinsk: Rifey, pp. 443–467. (In Russ.)
- Zakh V.A., Zimina O.Yu., 2001. The Lower Tobol sites of the Bronze and Iron Ages. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 3, pp. 138–149. (In Russ.)
- Zuyev V.Yu., 1996. Fortified settlements of forest-steppe Eurasia and nomads of the Scythian-Sarmatian period: based on the materials of the fortified settlement Chudaki in the Southern Trans-Urals. *Fortifikatsiya v drevnosti i srednevekov'ye* [Fortification in antiquity and the Middle Ages]. St.Petersburg: IIMK RAN, pp. 23–28. (In Russ.)